

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

БОЛЬШОЕ

СЕРДЦЕ
ПЕТЕРБУРГА

РОМАН-ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО РОМАНТИЧЕСКИМ МЕСТАМ ГОРОДА

Антология любви

Ринат Валиуллин

Большое сердце Петербурга

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Валиуллин Р. Р.

Большое сердце Петербурга / Р. Р. Валиуллин — «Издательство АСТ», 2020 — (Антология любви)

ISBN 978-5-17-119805-3

Эта книга станет путеводителем всех влюбленных и одиноких сердец, оказавшихся в Петербурге. «Большое сердце Петербурга» – это маршрут главных героев по самым романтическим местам города, которым пройдет и читатель. Пройдет не только по шумным проспектам, вдоль гранитных набережных, сквозь дворы-колодцы, но и через влюбленность и отчаяние, расставание, радость и боль двух мечтателей. Читатель окунется в атмосферу Петербурга, узнавая не только об исторических и архитектурных ценностях города, но и о пылких романах и тайных свиданиях, случайных встречах самых известных горожан. Где гулял Блок со своей Любовью и где они пили чай с баранками? Где же охотилась на цесаревича балерина Кшесинская? Кому посвятил Шостакович свою первую симфонию и почему канал Грибоедова называли в народе Набережной влюбленных?.. «Большое сердце Петербурга» даст возможность читателю почувствовать ритм города, его пульс, вкус. Ваше сердце навсегда останется с Питером.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119805-3

© Валиуллин Р. Р., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Сфинксы. Университетская набережная	9
Грифоны	13
Нева	17
Английская набережная	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ринат Валиуллин
Большое сердце Петербурга
Роман-путеводитель

*Питер – это история! Возможно, самая интересная, что может
произойти с тобой.*

Я сидел на ступеньках на набережной Невы и смотрел в воду, в ней, словно Алые паруса, отражался закат. Кругом царило веселье. Люди шумно разговаривали и громко смеялись. Я лишь улыбался, глядя на них, и один за другим выпускал на воду рисунки из своего альбома. Оставляя белые следы, бумага медленно отчаливала от берега туда, где по темной глади воды сновали «Ракеты», яхты и кораблики. Среди них я увидел катер со шведским флагом. Флаг трепал свежий ветер Невы, мне показалось, что швед смеется надо мной.

Я достал из кармана коробку с кольцом и швырнул ее в катер. Шведский флаг еще раз улыбнулся мне, когда коробка упала на полпути и поплыла. Одним кораблем на Неве стало больше. На сердце стало легче, хотя камень на кольце трудно было назвать камнем, скорее камешком. А может быть, все дело было в сердце, в Большом сердце Петербурга – вспомнил я ее слова:

– Питер навечно в сердце. Это немудрено: у каждого, кто здесь побывал, оно стало больше. Город – как человек, чтобы его узнать, с ним надо общаться. Я познакомлю тебя с Питером, я открою тебе Большое сердце Петербурга. Я проведу тебя по самым романтическим местам города. Маршрут так и называется – «Большое сердце Петербурга».

– А почему сердце?

– По форме, – показала она на экране карту центра Санкт-Петербурга, по которой пунктиром был проложен маршрут, и повела меня по нему пальцем, словно заманивала:

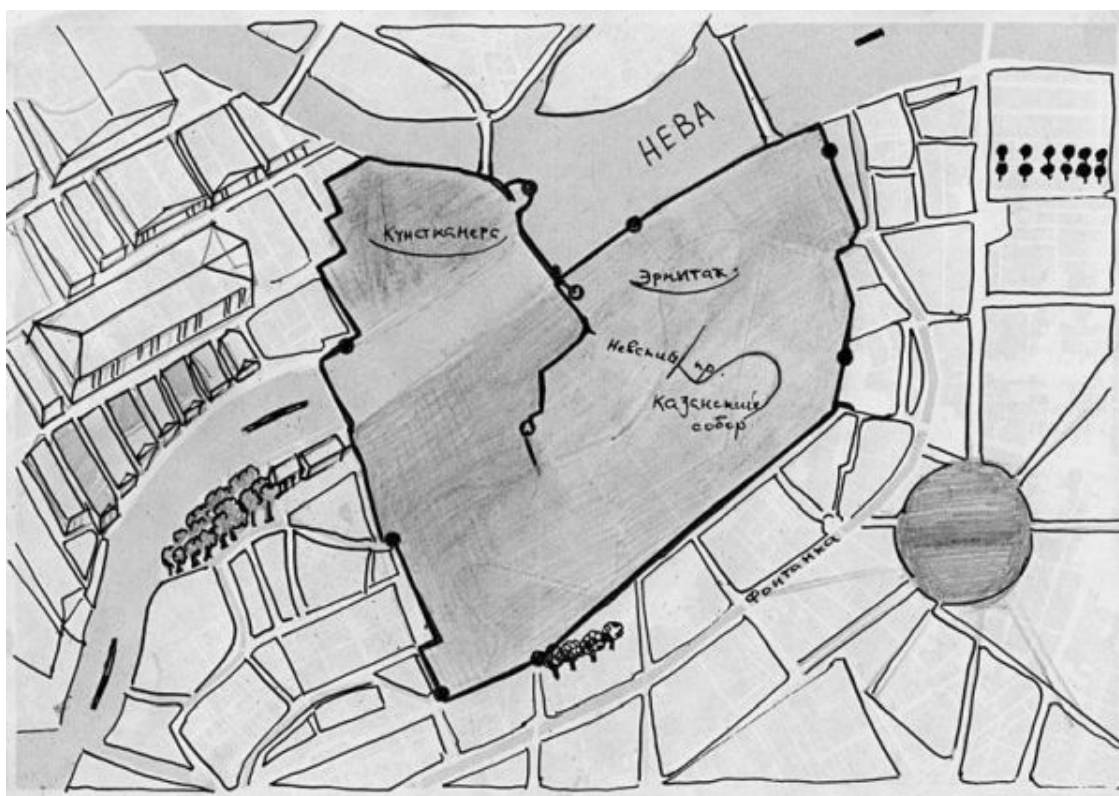
Набережная канала Грибоедова – Набережная Крюкова канала – Английская набережная – Благовещенский мост – Васильевский остров – Университетская набережная – Стрелка – Дворцовый мост – Невский проспект

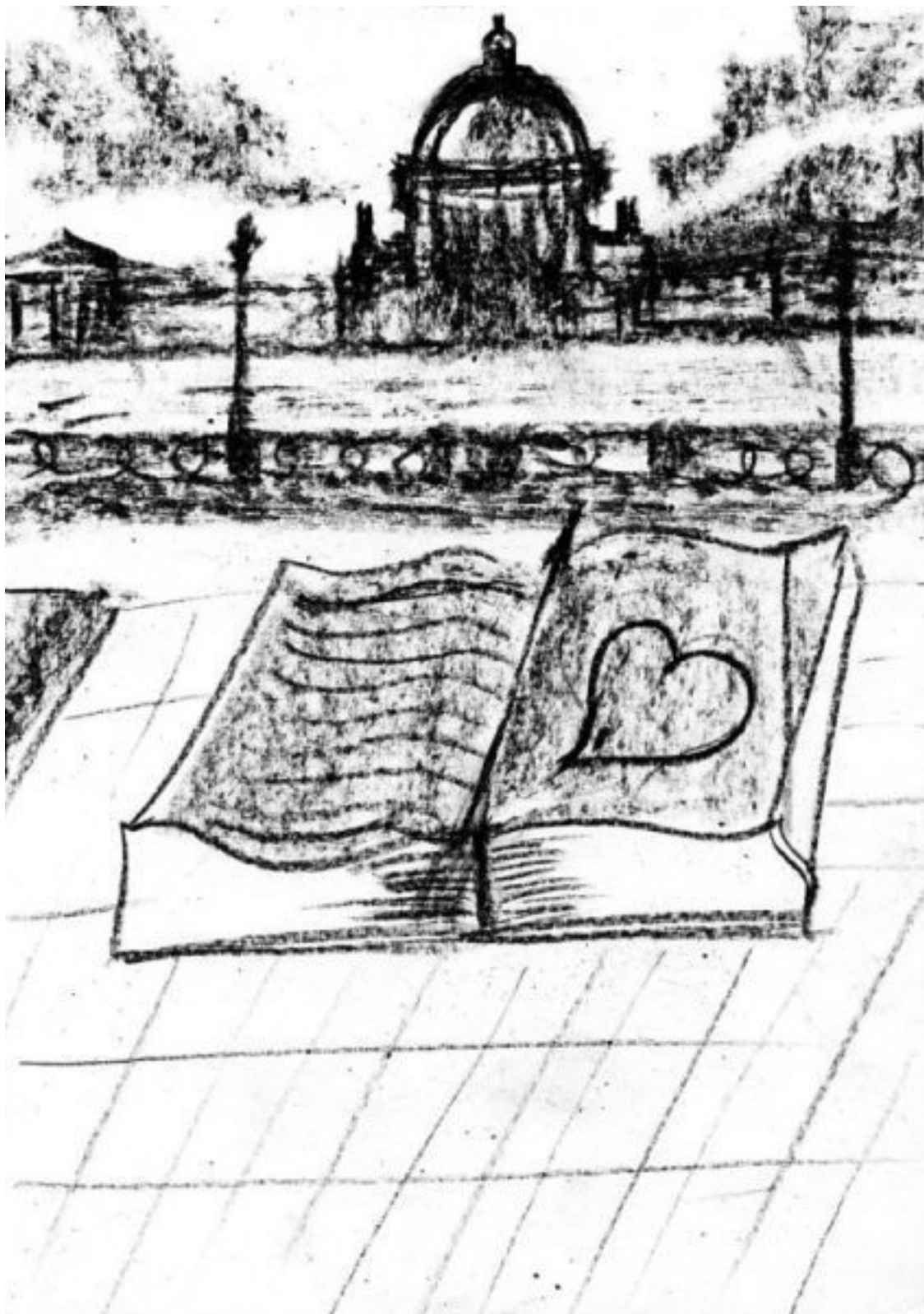
– Сердце по форме и по содержанию, – добавила она, улыбнувшись.

– Действительно большое. А еще похоже на пару, которая целуется. Она – Кунсткамера, он – Эрмитаж.

– Правда похоже? Как я раньше не заметила.

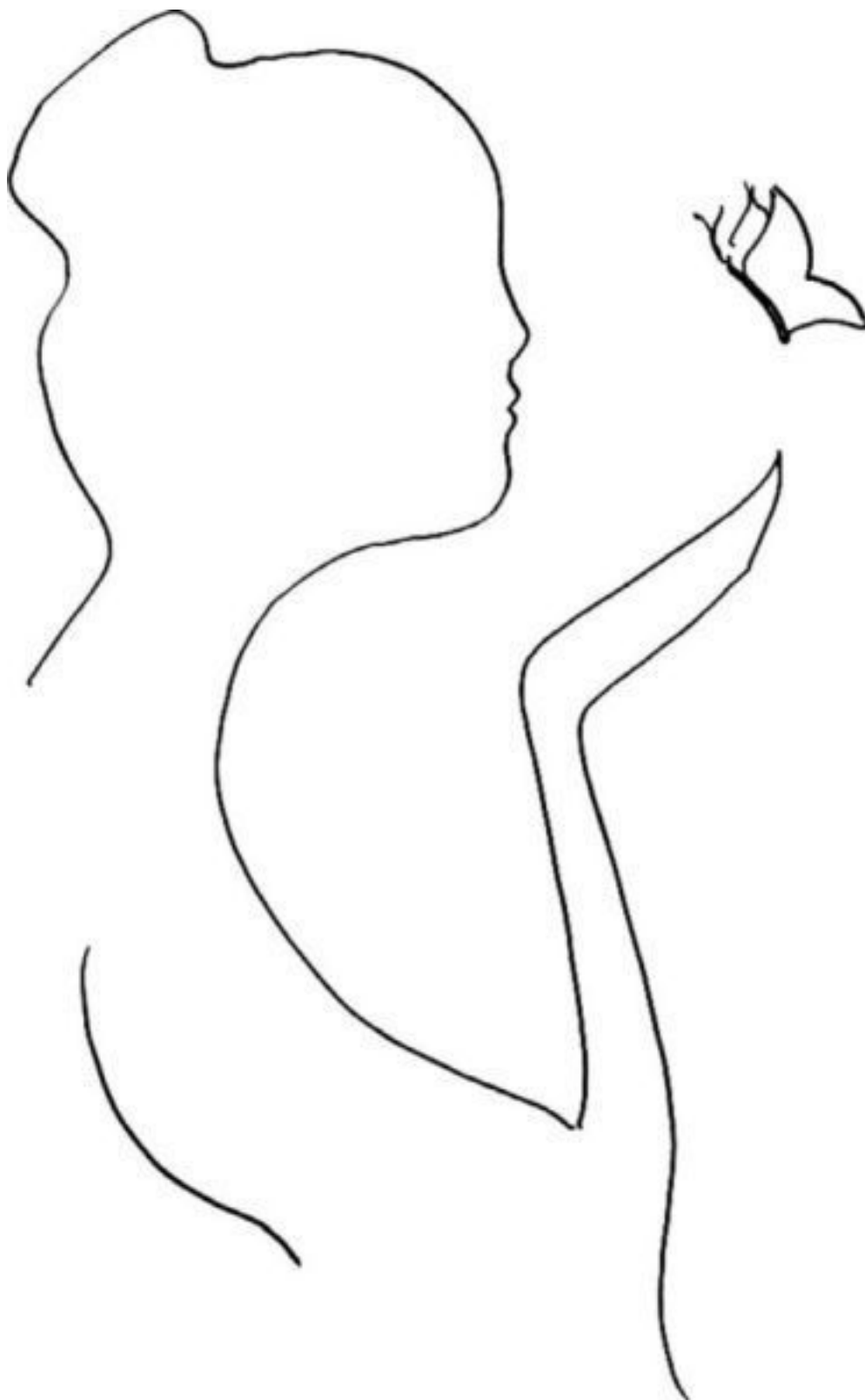
– Каждому свое: кому – сердце, а кому – поцелуй.

Сфинксы. Университетская набережная

*Если что не так, нет смысла менять обои, меняй сразу город.
Любая одинокая душа, приезжая в Питер, сразу чувствует себя
дома.*

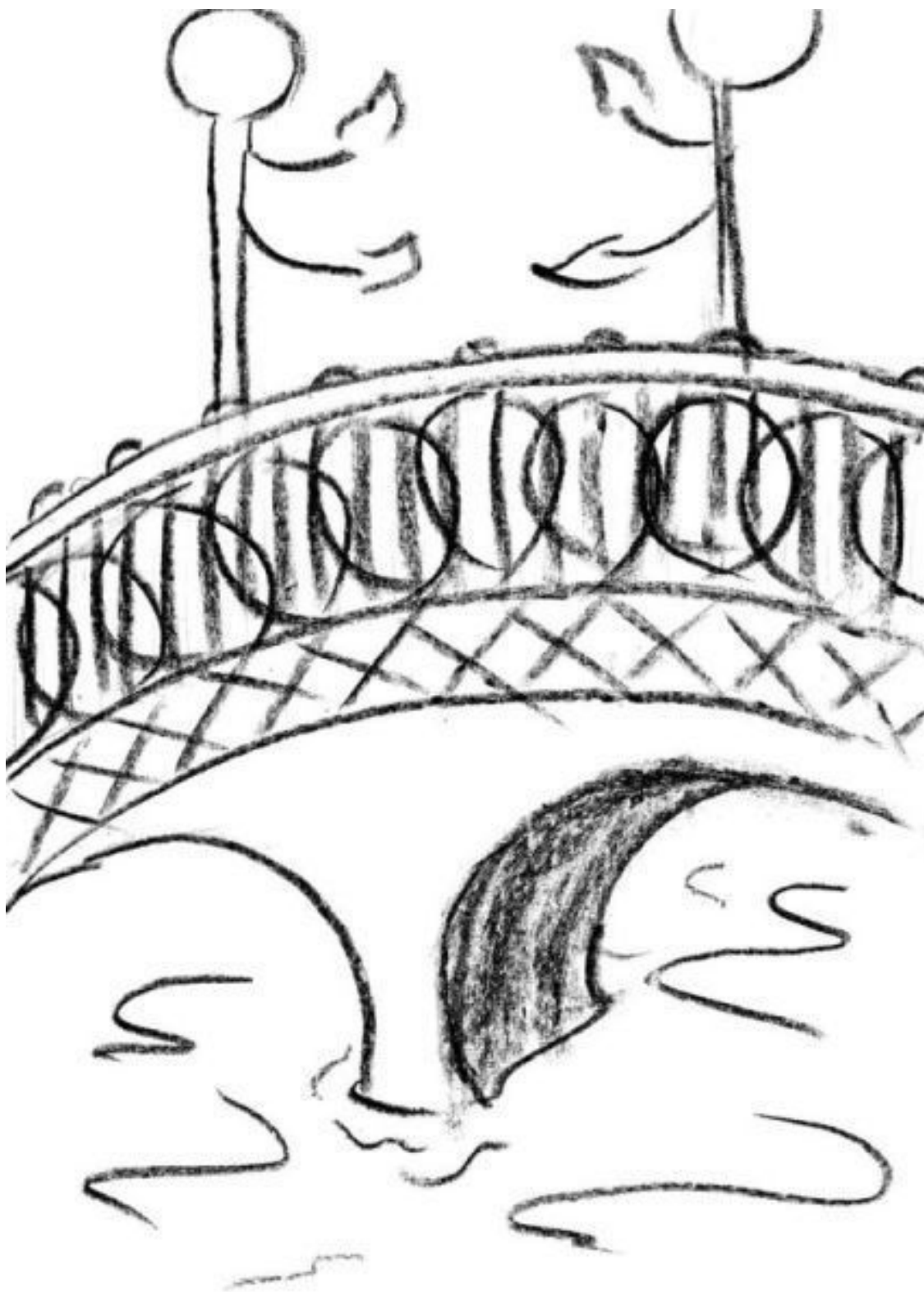

Питер притягивал как магнит романтиков, поэтов, писателей, художников, психов и просто хороших людей. Они стремились сюда, как к источнику, где можно было пополнить запас эмоций. Им казалось, что достаточно было попасть в струю, чтобы творческий родник никогда не иссяк. Они явно были не в курсе, что совсем скоро Питер проникнет в их подкорку и будет сидеть там, он будет все время рядом; куда бы они ни уезжали от этого города, он будет занимать место в мыслях своими улицами, мостами и набережными, своей ветреной романтической атмосферой.

Я тоже не стал исключением и отправился в этот чудный город за своей долей романтики. Как и любой провинциал, я решил зайти в город через Университет или через Арку Главного штаба, но Арка Главного штаба была на реставрации, в лесах, а экзамены в Университет я провалил. Вышел на набережную, к Неве, она бережно пожурела меня своим спокойным мощным течением. Солнце светило бесперспективно. Я шел куда глаза глядят, скоро они начали различать Сфинксов, которые замерли на своих постаментах, такие же спокойные, как и Нева. Вокруг величественных кошек толпился народ, приятный женский голос окутывал туристов историей:

– Гранитные Сфинксы, которые украшают набережную у здания Академии Художеств, были созданы примерно три тысячи пятьсот лет назад в Древнем Египте. Их лица – портрет фараона Аменхотепа Третьего, чью гробницу они должны были охранять. По приказу следующего правителя статуям откололи бороды и изображения змей на коронах – символы власти. Впоследствии храм был разграблен и сильно пострадал от землетрясения, и долгие столетия Сфинксы пролежали в земле. Их нашли в девятнадцатом веке археологи и, как было тогда принято, выставили на продажу. Русский император Николай Первый выделил средства на покупку – шестьдесят четыре тысячи рублей, по тем временам огромную сумму, и в тысяча восемьсот тридцать втором году гранитных гигантов доставили в Петербург.

Я подошел ближе: приятная юная девушка была обладательницей того самого голоса. Около полусотни ушей внимательно направились, пытаюсь поймать в свежем невском ветре достопримечательные слова. Внимательнее всех были Сфинксы, им нравилось слушать о себе, пусть в тысячный раз, это грело их безупречное самолюбие и напоминало о предках. Я послушал еще немного и побрел обратно к Дворцовому мосту, уже обдумывая план возвращения домой. Возможно, на этом мое близкое знакомство с Питером могло так и закончиться ничем, если бы не одна случайная встреча.

Я познакомился с ней ближе при весьма забавных обстоятельствах. В метро. Это не была любовь с первого взгляда, это был не тот случай, когда люди долго-долго смотрят друг на друга, когда он наконец решается к ней подойти и сказать пару неотразимых слов, но она уже выходит, он за ней, чтобы взять номер телефона... Точнее сказать, я рванул за ней, но совсем по другой причине. Моя сумка зацепилась липучкой за ее чулки. И беспощадные стрелки на них

оказались теми самыми стрелами, что разят наповал. Я узнал ее по голосу, хотя в этот раз он был несколько резче, чем там, на набережной.

Анна училась в том самом Университете, в который меня не приняли, и уже работала гидом. Я оказался тем самым туристом, которого она бережно вела любимыми набережными и аллеями, чтобы открыть мне душу города. Именно эти прогулки легко и ненавязчиво позволили мне найти дежурный, служебный вход, дали ощутить романтическую натуру Санкт-Петербурга. Анна показала мне свой Питер. Это был другой Питер. Питер – как один прекрасный дом, на который я все время смотрел с улицы, а тут вдруг позвали туда на чай. Анна провела меня вовнутрь и познакомила с душой города. Это не была любовь с первого взгляда, это была привязанность после первого разговора с мраморным суровым господином по имени Петербург.

Грифоны

Я, словно кошка, принохиваюсь к каждому твоему взгляду, к каждому твоему слову, пытаюсь почувствовать, будет ли за ними настоящее лакомство – поступки, чтобы наконец понять: гулять мне по-прежнему самой по себе или же стать ручной и доверить эту миссию твоим рукам.

– Сфинксов решили установить на берегу Невы, у здания Академии Художеств. Архитектору Константину Тону поручили оформить пристань «в египетском стиле». К воде ведут широкие ступени, по бокам устроены полукруглые скамьи.

– От Сфинксов прямо веет каким-то восточным теплом.

– Кошки – хранители уюта в любом доме, а уж тем более в Петербурге. Греют.

– Николай Первый – молодец, что завел таких дорогих кошечек.

– Наверное, он купил их для компании своему голубому коту по прозвищу Васька, – улыбнулась Анна своей находке. – Тот жил у императора при дворе вместе с любимым спаниелем по кличке Гусар.

– Да, отличная компания.

– Но вообще-то мода на придворных котов пошла сам понимаешь от кого.

– От Петра Первого?

– Да, он был законодателем мод в этом городе, даже на клички. У него тоже был Васька.

– Василий Первый, – заметил находчиво я.

– Да, если не считать, что кличка «Васька» происходит от имени языческого бога Велеса.

Ваську в тысяча семьсот двадцать четвертом году император Петр Алексеевич прикупил у одного из голландских купцов. Позже он издал указ, чтобы котов держали при амбарах для истребления грызунов. Моду на кошек поддержала дочь Петра – императрица Елизавета, она же ввела моду на маленьких собачек. Царица заказала из Казани тридцать самых лучших котов. Она же велела держать кошек в картинных галереях, где так любили искусство мыши. Сейчас целая кошачья гвардия служит в Эрмитаже. Их там уважают и ценят.

– Я тоже люблю кошек. Даже эти – вроде бы каменные, а чувствуешь, какое тепло? Посмотрел – вроде как погладил, успокоился, – перевел я взгляд со Сфинксов на Анну. – На самом деле это она тебя гладит, успокаивает.

– Дело тут не только в кошках. Теплом веет от всей композиции в целом. Сфинксов украшают декоративные светильники «на античный манер», отлитые бронзовых дел мастером Геде в тысяча восемьсот тридцать четвертом году, и полуфигуры грифонов – крылатых львов. Массивные лапы, мощные крылья и зубастые головы притягивают желающих «погладить кису»: популярная легенда обещает исполнение желаний тому, кто прикоснется к грифону. Но реставраторы, ответственные за сохранность памятников в Петербурге, настоятельно просят этого не делать: сотни тысяч рук, ежедневно трогающие скульптуры, протирают металл, он теряет форму – и кое-где толщина бронзы уже стала критической. Два века назад, когда делали грифонов, никому и в голову не могло прийти, сколько падких до небылиц гостей со всего мира будет принимать пристань на Университетской набережной.

– Зачем они их так неистово гладят? – спросил я ее, указывая на людей рядом с грифонами, что замерли под Сфинксами и сторожили спуск к воде.

– Я бы сказала – трут! На удачу: кому экзамен сдать, кому выйти замуж.

– В чем фишка?

– Глядя в глаза ближайшему Сфинксу, нужно погладить грифона по голове. При этом другой рукой необходимо держать грифона за правый зуб или гладить ему крылья, тогда тебя ждет счастливая жизнь.

– Мило. Надо было мне сюда перед экзаменом зайти, потереть.

– Надо было. До сих пор не могу понять, как ты мог так со мной поступить?

– Как? – немного оторопел я. «Где я успел напортачить?»

– Я поступила, а ты – нет.

– Я же не знал, что здесь все решается, – быстро нашелся я с ответом. – Ты ходишь, наверное, сюда регулярно?

– Да, перед зачетами, – рассмеялась она. – Вообще-то это вредно для грифонов, металл окисляется, и идет разрушение скульптур.

– Да? А выглядят они вполне себе счастливо, кожа лоснится на солнце, как у моего кота.

– Всякий засветится, если так усердно ласкать.

– Как ты сказала, лишняя ласка вредно на них сказывается.

– Наверное, это всех касается, стоит только возомнить себя солнцем, будучи бронзой.

– Кто бы меня так касался, глядишь, заблестел бы, – заулыбался я.

– Думаю, этого будет мало, ведь, кроме всего прочего, Аменхотеп называл себя «Видимым солнцем»

– Это которого Сфинксы охраняли?

– Да, первый хозяин кошек.

– Скромный парень.

– В этом есть доля правды – время правления Аменхотепа Третьего рассматривается как один из величайших периодов расцвета древнеегипетской цивилизации, о чем свидетельствуют грандиозные храмовые комплексы и скульптура.

– Большому человеку – большие кошки.

– В искусстве времени Аменхотепа сочеталось стремление к громадному.

– Ну что, может, пойдем тоже потрем грифонов и посмотрим в глаза Сфинксам, вдруг поженимся и будем счастливы? Родится сын – назовем Аменхотепом.

Анна рассмеялась:

– Легенда гласит: кто посмотрит в глаза Сфинкса – сойдет с ума. Зачем мне муж сумасшедший?

– Ладно, безумный подойдет?

– Уже подошел, ближе некуда.

– Может, тогда просто поцелуемся?

– Люди же вокруг.

– Мы же закроем глаза.

– Подожди. Если провести от Сфинксов мысленный меридиан, то пройдет он через здание Пулковской Обсерватории и придет прямо в египетскую Александрию, на родину Сфинксов! – не хотела целоваться Анна.

– Мистика!

– Обиделся? – поцеловала она меня в щеку.

– Что ты! Мужчины не должны обижаться. Обиды – это женские безделушки. Пойдем к воде, на кораблики посмотрим. – Я начал спускаться вниз по ступенькам.

– А что, экскурсия уже надоела?

– Нет, очень насыщенно. Хочется разбавить, может, Невой? – При слове «Нева» громче стали слышны крики чаек, они звали. – Расскажешь мне про Неву?

– Хорошо, только лучше с прогулочного катера. Готов?

– Легко, – ответил я почти как пионер. – Хоть на байдарке. С милой рай и на плоту! – С этой девушкой я готов был отправиться куда угодно даже вплавь.

– Утопия. Знаешь, какая холодная в Неве вода? Даже летом.

– Мы возьмем с собой антиутопию.

– Не поняла.

– Я про спасательный круг.

– Смешно, – улыбнулась Анна. – Действительно, антиутопия. Филолог.

Нева

Просто посмотри в небо, где плывут облака. Попробуй плыть вместе с ними. Неважно – куда, просто плыть. Не бойся, ты не утонешь, доверься небу. Невозможно утонуть, когда умеешь плавать.

Мы сели на кораблик, и под рокот мотора Анна рассказала мне всю биографию Невы:

– Река Нева берет начало из озера Ладога, самого большого озера в Европе, и впадает в Финский залив – часть Балтийского моря. Длина реки – семьдесят четыре километра, средняя глубина – восемь-десять метров. Нева переносит огромный объем воды – в среднем две тысячи пятьсот кубических метров в секунду, а скорость течения в черте города – примерно три-четыре километра в час. Нева – очень молодая река. Археологи находят на берегах Невы следы стоянок первобытных людей.

– Люди первобытные, а река молодая. Факт бессмертия налицо.

– Ты уже был на «Алых парусах»?

– Не был еще, но очень хочу.

– Тогда ты бы понял, что люди мало в чем изменились. Я про поведение.

– Не будь такой строгой к современникам. Отличие в том, что у первобытных на первом месте быт, – улыбнулся я.

– Примерно с седьмого-восьмого века нашей эры здесь стали жить финно-угорские и славянские племена. Они занимались охотой и рыболовством, но главное – торговлей. По Балтике, через Неву и вверх, по озеру Ладога, шел один из главных торговых путей Средневековья. Именно здесь, на северо-западе нынешней огромной территории страны, в восьмых-девятых веках зародилась российская государственность.

– Значит, здесь жили наши предки?

– Да, но «окно в Европу» прорубили значительно позже, и Петр основал город отнюдь не на пустой земле, а поставил столицу на весьма доходном, бойком и населенном месте шведского города Ниен.

– После слова «прорубили» почему-то окном в Европу представилась прорубь.

- Есть доля правды. Вода в Неве студеная.
- А летом в Неве купаться можно?
- Можно, вода чистая, но холодная – в среднем семнадцать-двадцать градусов.
- Ты уверена, что чистая? – вглядывался я в темно-изумрудную толщу воды.
- Конечно. За чистотой следят раки.

– Раки? Тоже на службе? Как и кошки? Я смотрю, в Питере и животным приходится работать, чтобы прокормить семью.

Анна залилась своим теплым смехом.

– Раки – это лучшие биодетекторы. Эти животные реагируют на малейшие изменения в составе воды: специальный датчик, закрепленный на панцире, фиксирует стресс у рака в случае загрязнения воды. Раки работают посменно: три дня на дежурстве, шесть – отдыхают.

– Я прямо представил эту службу, как рак говорит своей рачихе и рачатам: «Ладно, я на дежурство. Вести себя прилично, а то будете, как я, вкалывать всю жизнь».

– Не всю жизнь, только год, потом раку дают отпуск, чтобы отоспаться. Проезжаем Благовещенский мост, – неожиданно накрыла нас тень. – Это первый постоянный мост через Неву, он открылся в тысяча восемьсот пятидесятом году. Прежде с одного берега Невы на другой зимой переправлялись по льду, а на лето наводили временные, наплавные мосты. В ряд поперек течения выстраивали барки, на них клали проезжую часть. Несколько недель в году: весной, во время ледохода, и осенью, когда река начинает замерзать, сообщения между разными частями города почти не было. Уже в восемнадцатом веке было ясно, что постоянный мост необходим, но сильное течение реки, полноводность и подвижные грунты на дне сильно осложняли строительство. В тысяча восемьсот сорок втором году инженер Станислав Кербедз предложил проект с использованием самых новых на тот момент технологий. Правительство выделило средства, и начались работы. В дно вбили деревянные сваи, на них возвели каменные устои, семь неразводных пролетов перекрыли арки из чугуна. Восьмой пролет, ближайший к правому берегу, был разводным. Два его крыла поворачивались в горизонтальной плоскости, чтобы пропускать большие суда. Огромная металлическая конструкция производила на современников неизгладимое впечатление. Мост называли драгоценным ожерельем красавицы Невы. Поражала и стоимость проекта: с тех пор в Петербурге принято выражение «дорого, как чугунный мост». Благовещенский мост служит символической границей между Невой и Финским заливом, здесь встречаются «причина и следствие» Санкт-Петербурга.

– Красиво!

– Ты про панораму?

– Я про слова.

– Спасибо. Это несравнимо.

– Ну почему? Если вид – причина, то экскурсия – следствие.

– Значит, туристы под следствием? – улыбнулась Анна.

– Под впечатлением, в крайнем случае подшофе.

– Слева от моста раскинулся парадный, имперский центр: ровным строем стоят бывшие особняки знати и богатых купцов на Английской набережной, золотой громадой высится купол Исаакиевского собора, пронзает небо шпиль Адмиралтейства, в глубине, у Дворцового моста, изумрудом сияет Зимний дворец. А по другую сторону, за мостом – территория грузового порта и огромные заводы, где строят и ремонтируют корабли.

Ощущение торжественной гармонии городского пейзажа создает совершенно равнинный рельеф, обширные водные пространства и особый высотный регламент.

– Так вот, значит, в чем волшебство! – воскликнул я. – Вот отчего так красиво.

– Именно. В центре города с восемнадцатого века запрещено строить здания выше Зимнего дворца, исключением могут быть купола, колокольни и башенки. Справа здание Академии Художеств, гнездо русского искусства, – одно из главных украшений набережной Васильевского острова. Песочно-розовые стены, мощные светлые колонны и монументальный купол, увенчанный бронзовой скульптурой богини Минервы – покровительницы искусств и ремесел, производят впечатление спокойного величия и гармонии. Его начали строить в тысяча семьсот шестьдесят четвертом году по указанию императрицы Екатерины Второй, чтобы разместить здесь училище, как тогда говорили – «трех знатнейших художеств» – живописи, скульптуры

и архитектуры. Мысль о том, что России необходимы собственные мастера во всех областях искусства, появилась еще при Петре Первом, но только в правление его дочери Елизаветы Петровны была создана полноценная система профессионального художественного образования. Ее главным создателем стал Иван Шувалов – фаворит императрицы. В первые годы ученики, которых набрали из талантливых мальчиков восьми-десяти лет, жили и занимались в доме Шувалова, а жалованье преподавателям и материалы меценат оплачивал из собственного кармана.

– Хотел бы я быть тем талантливым мальчиком.

– Можно подумать, ты не талантлив.

– И не мальчик.

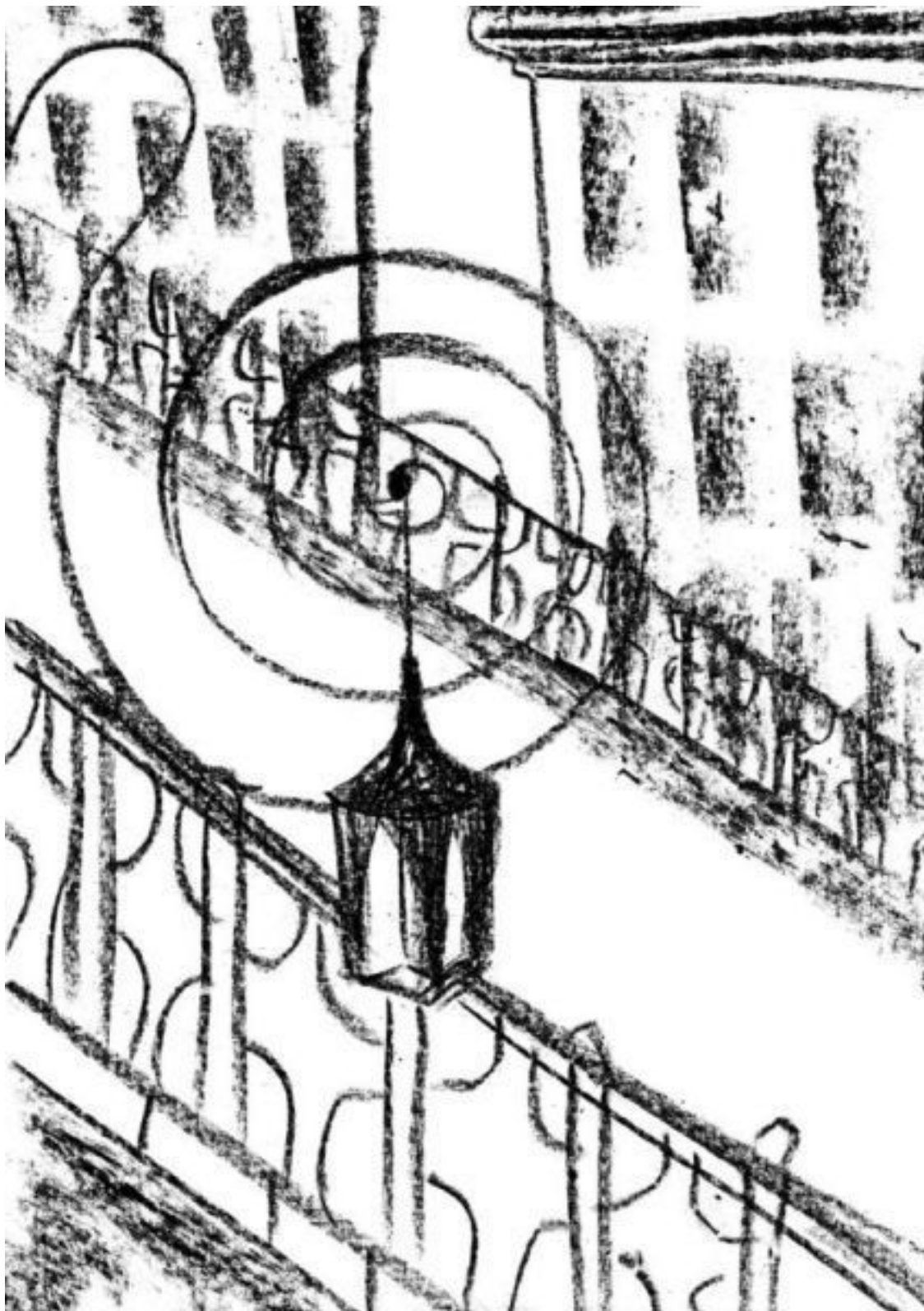
– Все лентяи говорят, что у них нет таланта. Без таланта в мире нельзя. Пропадешь. Город съест, станешь серым, как мрамор.

– Твои стихи?

– Да, мои стихи.

– Вот это талант, я понимаю.

– Строительство огромного здания для училища началось при следующей императрице – Екатерине Второй. Скульптура богини мудрости и покровительницы искусств напоминает об одном из льстивых титулов государыни – Северная Минерва. Здание занимает огромный, почти квадратный участок, а посередине его устроен круглый внутренний двор. Высокие окна первого и второго этажей освещали классы и мастерские, а на третьем этаже жили ученики. Воспитанниками и профессорами Академии Художеств были самые знаменитые мастера русского искусства: Брюллов, Репин, Крамской, Серов, Айвазовский, Куинджи, Шишкин и многие другие. У Академии есть даже свой призрак. Дух первого ректора Академии Художеств Александра Филипповича Кокоринова, который повесился на чердаке Академии.

- Карточный долг или несчастная любовь?
- Да, любовь к искусству. Дело в том, что Екатерина приостановила финансирование строительства Академии. С тех пор по Петербургу гуляет легенда о призраке первого ректора, который время от времени корит нерадивых студентов Академии.
- В каждом уважающем себя замке должно быть привидение.

– Это точно, в Михайловском замке тоже живет свой призрак, я, правда, не видела, но слухи ходят.

– Ты про Инженерный?

– Ага.

– Надо будет проверить. Кстати, почему его называют Инженерным?

– В свое время там располагалось Инженерное училище. А привидение также воспитывало двоечников.

– Можно подумать, призраков брали на работу по воспитанию трудных детей.

– Ну в Инженерном-то привидение давно на пенсии, студентов нет, сейчас там одни туристы.

– Видимо, на пенсии подрабатывает, у призраков, наверное, и пенсия призрачная, – рассмеялся я.

– Если бы только у призраков, – вздохнула Анна, не отрывая взгляда от Академии.

– А здание действительно похоже на замок. За ним находится знаменитая Мозаичная мастерская, – вдруг просияло словно янтарное стекло лицо Анны. – Это легендарное место: здесь с середины девятнадцатого века и по сей день создается волшебное стекло. По сути – это кухня, где варят матовое стекло, варят по различным рецептам. Потом застывшую массу рубят на кусочки, из которых собирают узор. Необходимость в мозаике возникла в девятнадцатом столетии, когда началось строительство Исаакиевского собора. Для того чтобы украсить главный храм империи картинами из цветного стекла, несколько студентов Академии Художеств были отправлены в Италию постигать тонкости ремесла. А в Петербурге было основано производство смальты, которая вскоре становится лучшей в Европе. Одним из первых мозаичистов был Никита Фролов. Его сын Александр пошел по стопам отца, а внук Владимир Фролов стал, наверное, самым известным мастером мозаики не только в России, но и в мире. Самая большая работа Фроловых – легендарный храм-памятник Спас-на-Крови в Петербурге, где мозаики покрывают семь тысяч квадратных метров стен, сводов и куполов. В тысяча девятьсот сорок первом году Владимир Фролов собирает мозаику для Московского метрополитена – огромные панно с изображениями счастливой советской жизни создаются в ледяной стуже Блокады. Погибая от истощения, художник, завершил заказ. Драгоценные панно ушли по Дороге жизни, через Ладогу. А Владимир Фролов скончался через несколько дней от голода.

– Грустная история.

– Да.

Анна замолчала. Обняв ее, я продолжал смотреть на воду. Нева сверкала мозаикой в лучах уходящего солнца, постоянно меня стекляшки, будто сомневаясь, какую смальту подобрать, чтобы было еще красивее.

– Смотри на воду, так быстрее уходит грусть.

– Я смотрю, – Анна улыбнулась. Скоро катер причалил к Университетской набережной.

- Как тебе наш Университет? – Мы прошли мимо здания Двенадцати коллегий.
- Пока не принимает, – усмехнулся я и вспомнил, как недавно сидел на этой набережной после объявления оценок за сочинение.
- Просто боится передозировки.
- Ладно, я тоже буду растягивать удовольствие. Попробую в следующем году. Теперь это мой гештальт.
- Кстати, здание Двенадцати коллегий должно было тянуться вдоль набережной, но Меншиков, который уже задумал поставить здесь свою резиденцию, посчитал, что в таком случае его дворец не влезет на набережную, и велел строить коллегия перпендикулярно.

– Находчивый был мин херц.

Английская набережная

- *Какие планы на завтра?*
- *Завтра я работаю.*
- *Позвольте мне подарить вам другое завтра.*

Пройдя еще немного по Университетской набережной, мы перешли через Благовещенский мост и оказались на другом берегу Невы, на Английской набережной. Порыв холодного ветра вздохнул на нас туманным Альбионом.

- Кстати, Благовещенский – первый разводной мост Санкт-Петербурга.
- Я так и решил.

- Почему?
- К ЗАГСу вышли, – указал я на парад свадебных лимузинов, которые терпеливо ждали новобрачных. – От свадьбы до развода один шаг.
- Забавно, я даже не думала об этом.
- Никто не думает о разводе, когда женится, – улыбнулся я.
- Мы наблюдали, как новоиспеченная счастливая пара выпорхнула на набережную.
- О чем думают люди, когда женятся?
- Влюбленные не способны думать.
- Я имею в виду – о чем они думают прямо сейчас?
- Сколько гости подарят.
- Какой ты меркантильный.
- Давай спросим.
- Ты с ума сошел.
- Деньги молодым не помешают.
- Чтобы хватило на свадебное путешествие, – романтично согласилась Анна.
- Ну если с милым рай в шалаше, то хватит. Хотя после такого дворца в шалаш? Это вряд ли, – пошутил я.
- Красивый особняк. Бывший дом фон Дервизов. ЗАГСом стал в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году. Дай мне руку!
- Это предложение? – Я подал ей руку.
- Даже не надейся, – рассмеялась она, взобралась на парапет набережной, взяла мою руку и пошла вперед.
- Свадебное путешествие?
- Прогулка, – посмотрела она на меня сверху вниз.
- Понял, ты просто хочешь поймать букет невесты. А ты рисковая.
- Просто доверчивая
- Это одно и то же.
- Видишь, как я тебе доверяю.
- В Питере без риска никак нельзя. – Я утонул взглядом в Неве. Мысленно коснулся холодного мрачного дна и судорожно поспешил обратно на воздух.

– Ты же меня спасешь? – Неожиданно Анна спрыгнула, все еще держа мою руку. Мне ничего не оставалось, как поймать ее в объятия.

– Нет, я тебя не отпущу, – улыбнулся я.

– Сэр, будьте джентльменом, как-никак Английская набережная. – Поцеловала меня в щеку, когда я поставил ее на асфальт.

– А почему Английская? – Я все еще не хотел ее отпускать, чувствуя, как тело Анны требует независимости. Я повиновался. – Чувствую себя школьником.

– Из-за поцелуя?

– Какого поцелуя? Я что-то пропустил?

– О да.

– Жаль, ничего не почувствовал.

– Сэр, вы бесчувственный.

– Может, повторим?

– Даже не надейся, – подарила мне улыбку Анна. – Так вот, в восемнадцатом веке здесь жили английские купцы и в доме пятьдесят шесть была открыта Англиканская церковь Иисуса Христа. Сейчас выйдем на Сенатскую площадь.

Перед нами показался Медный всадник.

– Интересно, куда скачет Петр Первый?

– К своему другу Меншикову. Еще движение – и Медный всадник взлетит на своем скакуне над Невой, – легко осадил меня Анна.

Дворец Меншикова действительно находился прямо напротив скалы, на которой застыл Медный всадник.

– Медный, хотя изготовлен из бронзы, – добавила Анна. – Название закрепилось благодаря поэме Пушкина «Медный всадник». Это был второй конный памятник русскому царю. В этот раз Фальконе изобразил Петра на вздыбленной лошади, как законодателя и реформатора. Вот что писал по этому поводу сам Фальконе: «Монумент мой будет прост... Я ограничусь только статуей этого героя, которого я не трактую ни как великого полководца, ни как победителя, хотя он, конечно, был и тем и другим. Гораздо выше личность созидателя-законодателя...» Не случайно скульптор изобразил Петра в движении и одел его в простую и легкую одежду, которая, по словам художника, принадлежит «всем нациям, всем мужам и всем векам; одним словом, это героическое одеяние». Богатое седло он заменил медвежьей шкурой, которая символизирует нацию, цивилизованную государем. Постамент из Гром-камня в виде громадной скалы – символ преодоленных Петром Первым трудностей, препятствий и невзгод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.